

УДК 821.116-6(470.5)

УРАЛ В ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ¹

Елена Георгиевна Власова

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Elena_vlasova@list.ru

Статья посвящена динамике уральской темы в творчестве А.П. Чехова. Главными свидетельствами уральских впечатлений писателя послужили письма, написанные им в трех поездках по Уралу (1890, 1901 и 1902 гг.). Первый, и самый развернутый, цикл уральских писем связан с поездкой Чехова на Сахалин. Характеризуя уральское пространство в этом цикле писем, Чехов нередко обращается к приему ироничного обыгрывания литературных формул, сложившихся в предыдущих описаниях Урала. В последующих циклах уральских писем на первый план выходит задача точного описания внешних впечатлений. Образ Урала, воссозданный в чеховских письмах, интересен и важен как результат непосредственного эмоционального переживания пространства путешествия. Письма не претендуют на полноту описания или концептуальность оценок, однако, отмеченные в них подробности приобретают качество выразительных деталей, выхваченных из потока впечатлений как наиболее значимый эмоционально-когнитивный опыт. Этот опыт аккумулировал большую творческую энергию: пережитое в пути состояние, усиленное эмоциональной выразительностью эпистолярного слова, не раз отозвалось в литературном творчестве писателя. В частности, письма Чехова проясняют обстоятельства пермского происхождения города трех сестер, а также уральские аллюзии образа завода в рассказе «Случай из практики». В целом уральские письма Чехова являются ярким образцом такой разновидности литературы путешествий, как эпистолярный травелог.

Ключевые слова: А.П.Чехов; эпистолярный травелог; демифологизация пространства; образ Урала; образ уральца; граница Европы и Азии.

Обстоятельства пребывания А. П. Чехова на Урале достаточно подробно изучены в местном краеведении. Первая волна интереса к этой теме пришла на 60-е гг. прошлого века и была вызвана столетним юбилеем писателя. Серией публикаций отметили уральцы и 110-летие со дня рождения Чехова. На основе этих разысканий уже тогда начали активно формироваться литературные мифы. Самый популярный среди них сложился вокруг чеховской фразы о пермском происхождении города «Трех сестер». Как известно, заканчивая работу над пьесой, Чехов пишет М. Горькому: «Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми» (Письмо А. М. Пешкову, 16 октября 1900 г.) [Чехов 1980: 133]. Этот сюжет литературной истории Перми актуализировала местная журналистка Анна Бердичевская [Бердичевская 1971]. Она же рассказала о том, что пермские краеведы активно занимаются поисками прообразов чеховских ге-

роинь. С тех пор появилось несколько версий этого литературного расследования.

В 90-е гг., ставшие периодом напряженных поисков городской идентичности, обсуждение чеховского сюжета пермской истории возобновилось. Он снова попадает на страницы пермской периодики, появляется идея установки памятника трем сестрам [Дворянова 2000: 3], что говорит о превращении литературного мифа в один из ключевых брендов города. Устойчивость этого бренда была во многом обеспечена научными работами В. В. Абашева, показавшего органичное вхождение чеховского сюжета в парадигматику пермского текста русской культуры. В 2000-х гг. появляются отдельные книги о Чехове на Урале (Семенов 2005; Гладышев 2008), завершившие период накопления краеведческой информации. В то же время обобщающей историко-литературной оценки уральских материалов Чехова предпринято не было. Отдельные

проблемно-тематические аспекты образа чеховского Урала представлены в исследованиях Е. А. Макаровой (2009) и Е. К. Созиной (2010), однако они не были направлены на его целостное описание. В связи с этим данное исследование посвящается динамике формирования образа уральского пространства в творческом наследии Чехова.

Чехов побывал на Урале трижды. Первый раз – в 1890 г. проездом, во время своего путешествия на Сахалин. Вторая и третья поездки были связаны непосредственно с Уралом: в июне 1901 г. он едет вместе О. Л. Книппер-Чеховой в санаторий под Уфой, а через год, в июне 1902 г., принимает предложение С. Т. Морозова о совместной поездке во Всеволодо-Вильву, где находились химические заводы знаменитого мецената.

Развернутых путевых отчетов о своих уральских впечатлениях Чехов не оставил. Планируя поездку на Сахалин, Чехов даже отказался описывать первый этап своего пути. «Писания мои для газеты, – сообщал он А. С. Суворину, – могут начаться не раньше Томска, ибо до Томска всё уже заезжено, исписано и неинтересно» (А. С. Суворину. 18 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 64]. Это замечание многое объясняет. Поскольку «встрече с реальным местом предшествует знание о нем, некий общий, возникший из суммы виденного, читанного и слышанного образа места» [Абашев 2008: 127], Урал в литературном измерении казался Чехову, видимо, величиной уже общеизвестной и поэтому не обязывающей его к специальному писательскому вниманию: «всё уже заезжено, исписано». Последующие поездки вообще не предполагали «писаний в газету», их обстоятельства, в каждой поездке по своему, носили личный характер. Таким образом, главными свидетельствами уральских впечатлений Чехова остались письма, написанные в пути и адресованные ближайшим коллегам, друзьям и семье. Рассматривая все три цикла писем в последовательности их написания, можно наметить развитие уральской линии в творческом наследии Чехова.

Безусловно, наиболее значимой в этом отношении была первая поездка. Путешествие на Сахалин послужило одним из самых важных событий в творческой биографии писателя. Оно утвердило Чехова в том, что настоящим писателем можно стать, только увидев «народную жизнь» и переночевав «на глухих почтовых станциях и в избах, совсем как в пушкинские времена» [Телешов 1986: 478]. По воспоминаниям Н. Д. Телешова, Чехов постоянно говорил молодым литераторам о том, что «писателю нельзя

сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их» [там же: 477–478]. Телешов признавался, что его собственная поездка за Урал, открывшая ему путь в большую литературу, была спровоцирована Чеховым. В 1894 г. начинающий литератор Телешов встретил Чехова в вагоне подмосковного поезда. Чехов ехал в Мелихово, Телешов – на дачу в Царицыно. Чехов обратился к молодому коллеге с настоятельным советом: «Не ездите на дачу, ничего там интересного не найдете... – Поезжайте куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две, за три. Ну, хоть в Азию, что ли, на Байкал. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачная: красота! Если времени мало, поезжайте на Урал: природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю и чтоб иметь право сказать самому себе: "Ну, вот я и в Азии!" А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. ...Сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете! Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда – по Волге, по Каме...» [там же: 478]. Литературная судьба Телешова была предрешена Чеховым: «Я послушался и через несколько дней уже плыл по реке Каме, без цели и назначения, направляясь пока в Пермь... За Уралом я увидел страшную жизнь наших переселенцев, невероятные невзгоды и тягости народной, мужицкой жизни. И когда я вернулся, у меня был готов целый ряд сибирских рассказов, которые и открыли тогда передо мной впервые страницы наших лучших журналов» [там же].

Е. А. Макарова, размышляя о значении сахалинского путешествия, справедливо отмечает: «Поездка в Сибирь и на каторжный остров привела писателя к важной смене позиций как в творческом, так и мировоззренческом плане. Знаменитое выражение "все теперь просахалинено" становится той мерой, которой, по сути, он будет проверять все» [Макарова 2009: 101].

Открытие огромного пространства, лежащего на востоке российской империи, началось для Чехова с Урала. И впечатления от этого знакомства были далеко не радужные. Бросилась в глаза беспросветная провинциальность местной жизни. Дальше, в Сибири, пространство откроется по-новому, что было точно замечено Е. К. Созиной: «...Азию писатель увидит позднее, уже в Сибири, и оценит ее как совершенно новый, особый опыт пространства и жизни» [Созина 2010: 18]. На Урале возобладали ощущения

разочарования и тоски, которые навсегда остались в памяти и воплотились в образе «провинциального города вроде Перми».

Письма Чехова приоткрывают обстоятельства этой литературной проекции, поскольку сохраняют самые первые, а значит, самые эмоциональные, впечатления путешественника. В соответствии со своей жанровой природой письма представляют подчеркнуто субъективный, интимно-лирический взгляд на пространство путешествия. Именно письма послужили основной формой складывающейся в XVIII в. литературы путешествий – как на Западе (Шарль Дюпати «Письма об Италии», 1788), так и в России (Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1791–1792; Д. И. Фонвизин «Письма из Франции», 1777–1778). Однако форма письма использовалась этими литераторами, прежде всего, как композиционно-стилистическая основа художественного произведения, что для литературы XVIII в., сделавшей эпистолярный роман одним из самых популярных своих жанров, было вполне органичным явлением. Комментируя жанровое своеобразие «Писем русского путешественника», В. М. Гуминский отмечал: «Главную тенденцию ...науки, занимающейся "Письмами..."», можно определить как движение от интерпретации их как документа с реальным (историческим, биографическим и т.п.) жизненным содержанием к трактовке "путешествия" Карамзина как целиком и полностью художественного произведения» [Гуминский 1979: 38]. Современные исследователи литературы путешествий вслед за Е. А. Краснощековой относят «Письма...» к «роду предромана» [Михайлов 1999: 71], поскольку в них доминируют задачи изображения внутренней жизни странствующего героя. В XIX в. письма остаются ведущим жанром литературы путешествий, сохраняя свое тяготение к художественной прозе.

Письма Чехова относятся к другой разновидности путевых писем. Это скорее путевые заметки, подчиняющиеся законам бытового эпистолярия. Так же, как и вся остальная переписка писателя, путевые письма Чехова являются одним из самых ярких явлений русской эпистолярной культуры и самым органичным продолжением пушкинской эпистолярной традиции. Исследователи переписки Пушкина отмечают ее новаторский характер, изменивший представление современников о стиле частного послания. Вклад поэта в историю эпистолярного жанра связан с революционным переходом на «естественную, живую речь, непринужденную болтовню» [Степанов 1965: 453]. Благодаря абсолютной речевой свободе письма Пушкина по праву считаются

творческой лабораторией поэта: «В них осуществлена была уже та свобода от приукрашенного, поэтизированного прозаического стиля, которым отличалась проза Карамзина и его последователей, переносивших в прозу принципы и даже структуру поэтической речи» [там же].

Письма Чехова следуют пушкинской установке на ироничную дружескую болтовню, которая позволяет легко говорить о серьезном, пресекая любые попытки намеренной литературности. Со всей очевидностью эта особенность чеховских писем проявляется в посланиях 1890 г. Они пронизаны атмосферой дружеского общения, ироничного подтрунивания над знакомыми и над собой и непринужденной болтовни – о самочувствии, еде, погоде. При этом частные бытовые замечания соседствуют с острыми социальными наблюдениями как элементы единой речевой среды. Все это делает чеховские письма с дороги ярким образцом эпистолярного травелога – особой жанровой разновидности, которую можно выделить в общем развитии литературы путешествий. Эту разновидность травелога, в отличие от литературного путешествия Карамзина, составляют реальные письма с дороги, которые отражают непосредственные впечатления автора. Важнейшими типологическими характеристиками эпистолярного травелога можно назвать установку на самоценность индивидуального опыта путешественника, а также открытую эмоциональность. Рассказать живым языком частного человека о путешествии – это интереснейшая творческая задача, которую, возможно, Чехов поставил перед собой вполне сознательно. Достаточно вспомнить, как резко писал он о языке путевых и научных публикаций, посвященных Сахалину: «Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности, это свинство» (Письмо А. С. Суворину. 28 февраля 1890 г.) [Чехов 1976: 27].

Так или иначе, образ Урала, воссозданный в чеховских письмах, интересен и важен как результат непосредственного эмоционального переживания пространства путешествия. Уральские письма Чехова не претендуют на полноту описания или концептуальность оценок. Однако «пробалтывая» отдельные особенности увиденного, письма наделяют их качеством выразительных деталей, выхваченных из потока впечатлений как наиболее значимый эмоционально-когнитивный опыт.

Главным топом всех трех уральских поездов Чехова, конечно, была Кама. Первая встреча с ней состоялась холодной уральской весной: «Кама прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и, не переставая, тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 70–71].

Чехов тогда добрался на пароходе до Перми, пробыл здесь день, а уже вечером отправился железной дорогой в Екатеринбург. О пермской остановке Чехов ничего не написал, хотя целый день чем-то в городе занимался, куда-то ходил, кого-то видел. Из косвенных свидетельств известно, например, о поездке писателя на знаменитый пушечный завод в Мотовилихе с его циклопическим молотом [Чайкин 1969: 55–56]. В Екатеринбурге Чехов смог перевести дух, поселившись в «очень недурной» Американской гостинице (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 72]. Письма, написанные здесь, подводят итог путешествия по Уралу. Из них становится понятным, почему Пермь послужила прообразом губернского города из пьесы «Три сестры».

Все время пути от Камы и Перми до Екатеринбурга Чехова преследовало ощущение полной безнадежности, вызванное серыми камскими берегами и лицами людей, прикованных к этим берегам: «Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 70–71]; «На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие. Все больше Щербаненки и Чугуевцы², в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением “второй скрипки” во всей фигуре; по видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Чехов напрямую писал о тяжелом впечатлении, оставленном у него уральскими городами: «Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же].

Судя по этим заметкам, Пермь действительно стала для Чехова квинтэссенцией провинциальной серости и бессмысленности жизни. Подчеркнем, однако, что эти впечатления носили собирательный характер. Особое напряжение негативной оценки «камских городов» усугублялось пониманием того, что они не являются исключением из правил: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же].

Впрочем, последнее замечание не отменяет того обстоятельства, что екатеринбургские впечатления значительно отличаются от пермских. Екатеринбург настраивает писателя на бодрый лад. Даже местные недостатки вызывают не раздражение, а смех. Чехов энергично и с юмором ругает Екатеринбург за грязь, холод и извозчиков, всех как один «похожих на Добролюбова» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 72]. Переезд через Уральские горы меняет не только настроение, но и вектор размышлений писателя. Появляются новые наблюдения, связанные с коренной спецификой уральской жизни. К ним, в частности, относятся зарисовки местных типов: «Белизну восемнадцатирублевых сорочек заменяет мне здесь снег, покрывающий мостовые; тепло заменяется жестоким холодом; вместо таких милых челоуков, как Вы, я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиатов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой...» (Н. Н. Оболенскому. 30 апреля 1890 года) [там же: 70]; «Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и, того гляди, убьет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе. Ну, думаю, этот непременно убьет. Оказалось, что это А. М. Симонов³» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Фельетонные краски, использованные Чеховым для характеристики местных жителей, утрированно подчеркивают некоторые черты уральской породы, уже вошедшие в оборот современной ему литературы и публицистики. Чехов здесь опирается на «своеобразную теллурически ориентированную уральскую антропологию», в которой «кровная, телесная связь человека с недрами», с горнозаводской работой определяет не только характер, но и телесную породу человека [Абашев 2015: 74]. Эта художественная ан-

тропология была развита в популярных путевых очерках Вас. Ив. Немировича-Данченко, в прозе и очеркистике Д. Н. Мамина-Сибиряка⁴. Неразрывная связь уральской человеческой породы с горнозаводским производством для этих писателей была чертой исторически сложившегося жизненного уклада. Она накладывала на местных людей неизгладимый отпечаток. Немирович-Данченко писал, например, о коренном отличии «железных людей» [Немирович-Данченко 1890:249] – рабочих железодельных заводов – и старателей: «Железо – другое дело. Это, как выражаются на Урале, металл строгий: и дает он целые поколения сумрачных и строгих людей... На железном деле люди ... своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» [там же: 635]. Таким образом, описывая в гротескном духе типы местных жителей, Чехов столько же иронизирует над уральцами, сколько обыгрывает превращающиеся в стереотипы литературные формулы их описания.

Интересно, что впоследствии, оценивая творчество Мамина-Сибиряка, Чехов обратил внимание именно на необычных героев его прозы. По воспоминаниям Н. И. Потапенко, Чехов, удивившись, что «ни одной вещи» Мамина-Сибиряка «не прочитал как следует», занялся тщательным изучением его книг и был сильно впечатлен: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они все – зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей – сильных, цепких, устойчивых черноземных людей, – то как-то весело становится. В Сибири я встречал таких, но, чтобы изображать их, надо, должно быть, родиться и вырасти среди них» [Потапенко 1986: 334–335]. Эти слова Чехова как будто возвращают нас к первой поездке на Урал: местные «крепыши» вызывают внутреннюю улыбку писателя. И тогда, и сейчас после внимательного прочтения маминской прозы Чехову становится «весело» от их присутствия. Впрочем, юмористические зарисовки уральцев, сделанные Чеховым в 1890 г., вполне могли быть подготовлены и самым общим знакомством с творчеством Мамина-Сибиряка. А то, что оно к этому времени уже состоялось, понятно из заметок по поводу местных литературных предпочтений: «Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 71].

Еще одно клише уральской идентичности юмористически обыгрывается Чеховым в пись-

мах из Екатеринбурга – это устойчивое представление о евроазиатской пограничности Урала: «Сiju я теперь в Екатеринбурге; правая нога моя в Европе, а левая в Азии» (Н. Н. Оболенскому. 30 апреля 1890 г.) [там же: 70].

Ироничная стихия писем подхватывает сложившиеся в представлениях об Урале стереотипы, карнавализирует их, заставляя рассмотреть затертые черты. В уральских письмах проявляется характерная для Чехова неприязнь к любому рода шаблонам, а также его склонность к стилизации, которые, как убедительно показал А. Я. Кубасов, лежали в основе чеховской иронии. Отсутствие органичного речевого воплощения для предмета или явления, попавшего в поле зрения писателя, рождает настоятельное желание подчеркнуть несоответствие: «Повторимся, что ирония вовсе не означает для Чехов нулевой ценности описываемого. Дело в другом: в отсутствии неоговоренного художественного объекта и языка, на котором писатель мог бы прямо передавать свои устремления» [Кубасов 1998: 69]. Очевидно, подобное ощущение литературной заданности возникло у Чехова при описании уральского пространства, что и привело к появлению ироничных стилизаций.

Анализируя динамику авторской позиции Чехова в книге очерков «Из Сибири», написанных по материалам сибирской части путешествия на Сахалин, Е. А. Макарова замечает: «... по мере продвижения путешественника по суровому краю происходит важное преодоление устойчивых стереотипов, совершается своего рода демифологизация Сибири» [Макарова 2009: 100–101]. Ирония уральских писем связана с подобным же процессом демифологизации уральского пространства. Конечно, в отличие от развернутых сибирских очерков, уральские письма не предполагали последующей реконструкции пространства, однако, иронизируя, Чехов провел своего рода ревизию характерных примет уральской жизни. Основными из них оказались «азиатчина» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 73] и горнозаводской уклад жизни.

В чеховской оценке Урала, как верно отмечает Е. К. Созина, проявляется характерное для русской интеллигенции рубежа веков «неприятное отношение к Азии как вобравшей в себя ”азиатчину” русской жизни» [Созина 2010: 18]. Обостренность такого восприятия Азии выразительно проявляется в инстинктивном желании Чехова отгородиться от неприятного пространства: «На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окне, чтобы не видеть этой азиатчины» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Горнозаводская деловитость, казалось бы, вызывает симпатию. Так, например, Чехов хвалит уральскую железную дорогу – и это, пожалуй, единственное, что заслуживает положительной оценки писателя: «Уральская дорога везет хорошо. Боромлей и Мерчиков⁵ нет, хотя и приходится переваливать через Уральские горы. Это объясняется избытком здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 71]. Однако общий негативный фон уральских писем поглощает отдельные положительные замечания. Уральские заводы оставляют в памяти Чехова впечатление чужеродного, угрожающего пространства.

По точному наблюдению Е. К. Созиной, отголоском уральских впечатлений звучит тема фабрики-дьявола, фабрики-чудовища в рассказе «Случай из практики» (1898) [Созина 2010: 18]. Рассказ связывается с уральскими письмами Чехова не только общей проблемно-тематической оценкой заводской жизни, но и вполне очевидным повтором выразительного звукового образа – резких ударов по металлу. Эти удары не давали заснуть измученному Чехову апрельской ночью 1890 г.: «Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 73]. В рассказе «короткие, резкие и нечистые звуки», вызванные ударами ночного сторожа по металлической доске, оказываются воплощением дьявольской сущности завода: «И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами и рабочими и обманывал тех и других» [Чехов 1977: 81].

И все же остались в творчестве Чехова образы, которые сохранили светлые воспоминания об Урале. Все они связаны с красотой уральской природы. Среди них выделяется образ березы, ставшей символом чистоты, душевного здоровья, надежды. Вершинин, защищая нелюбимый сестрами Прозоровыми город, восклицает: «Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить» [Чехов 1978, т.13: 128].

В письмах 1890 г. замечания о березах сопровождают уральские и сибирские пейзажи практически по всему маршруту следования. Особенно часто они появляются по пути из Екатеринбурга в Томск. Наверное, для Чехова березы символически связывались с русским простран-

ством, оставленным за Уральским хребтом и неожиданно встреченным в Сибири.

Примечательно, что реплика Ольги Прозоровой, в которой она, сравнивая местную весну с московской, говорит о нераспустившихся еще березах [там же: 119], повторяет слова самого первого уральского письма Чехова: «Друзья мои тунгусы! Плыву по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; *береза еще не распустилась* (курсив мой. – Е.В.), тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки – одним словом, вся эстетика пошла к чёрту» (Чеховым. 24 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 68].

Это совпадение, конечно, не случайно. В чеховском образе Урала береза наделяется значением культурной и географической скрепы, которая соединяет привычное, домашнее пространство с неизвестным и чужим. Однако окончательного единения не случается: нераспустившаяся уральская береза остается метафорой дальней земли, неразгаданной Азии.

Письма, написанные во время второй поездки на Урал, отражают новое отношение Чехова к Каме. В 1901 г. он плывет вместе с женой в Аксеново, на реку Дему, – здесь находилась Андреевская санатория, лечившая кумысом. Поездка получилась беспокойной, трудной, но наполненной ощущением близости любимой женщины и переживанием особой красоты суровых уральских рек. В своих воспоминаниях О. Л. Книппер-Чехова подробно описывает впечатления этой поездки. Она вспоминает ночь на камской пристани Пьяный Бор, где они вынуждены были ждать парохода на Уфу: «На Антона Павловича эта ночь, своей полной отчужденностью от всего культурного мира, ночь величавая, памятная какой-то покойной, серьезной содержательностью и жутковатой красотой и тихим рассветом, произвела сильное впечатление, и в его книжечке, куда он заносил все свои мысли и впечатления, отмечен Пьяный Бор» [Книппер-Чехова 1960: 697].

Чехову пьяноборская ночь действительно запомнилась. Проплывая мимо Пьяного Бора следующим летом и всматриваясь в знакомые берега, он с сожалением сообщил жене: «Говорят, что Пьяного бора мы не увидим, так как будем в нем в пять часов утра. Это обидно» (Письмо О. Л. Книппер-Чеховой. 19 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 251].

Лейтмотивами чеховских писем из Аксенова оказываются уже известная по первому приезду на Урал провинциальная скука, а также свежее впечатление от красоты уральских рек: «Здесь,

на кумысе, скука ужасающая, газеты все старые, вроде прошлогодних, публика неинтересная, кругом башкиры, и если бы не природа, не рыбная ловля и не письма, то я, вероятно, бежал бы отсюда» (А. Ф. Кони. 12 июня 1901 г.) [Чехов 1981: 43]. Этот новый образ уральской природы воспринимается как продолжение и воплощение вершининской похвалы⁶. Очевидно, что за хлесткой характеристикой «прескучнейшей реки» стояло какое-то более глубокое переживание увиденного на Урале пространства, в частности, его мощного природного размаха и уникальной красоты.

Третья поездка на Урал была предпринята Чеховым в июне 1902 г. Савва Морозов, с которым писатель сблизился по делам МХТ, пригласил Чехова на свои уральские заводы⁷. Основное производство находилось в поселке Всеволодо-Вильва, расположенном в северной части Пермской губернии. Чехов плывет по Каме, снова попадая в Пермь, с которой по сцеплению ассоциаций оказалась связанной его последняя пьеса. И если бы погода на Каме в 1890 г. была такой, как во время этой поездки, возможно, не было в драматургии Чехова «города вроде Перми». Сейчас Кама навевала идиллические мечтания о дачном отдыхе всей семьей: «Кама – чудесная река! Надо бы нам нанять для всего семейства пароходик и поехать не спеша в Пермь и потом обратно, и это была бы дачная жизнь самая настоящая, какая нам и не снилась», – пишет Чехов жене из Перми (О. Л. Книппер-Чеховой. 19 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 43]. «Дачный» образ Камы окончательно вырывает ее из тисков социально-критической оценки первых уральских писем, обнаруживая новые переживания писателя, связанные с природной красотой знаменитой уральской реки. Очевидно, теперь Чехов не пытается противостоять сложившимся в описании Урала литературным формулам, предписывающим восхищаться этой «северной красавицей» [Немирович-Данченко 1890: 111]. Действительно, период обостренных творческих поисков и литературных баталий остался позади, Чехов едет на Урал состоявшимся писателем, выработавшим собственный художественный язык. Ироничная стилизация первых уральских писем уступает место выразительной краткости путевых описаний, сосредоточенных на точной фиксации и емкой оценке внешних впечатлений путешественника. Как отмечает И. Г. Гитович, в письмах Чехова постепенно складывается особая повествовательная манера: «... его письма оказываются еще и самостоятельной формой повествования, где ряд особенностей его прозы, в частности, так называемая бессюжетность – выступают в своей

первичной сущности эмоционального переживания, для точной передачи которого именно в письмах была найдена и отработана оптимальная интонационная форма» [Гитович 2013: 19]. В ходе размышлений по поводу писем Чехова И. Г. Гитович приходит к выводу о том, что в эпистолярном творчестве писателя ярко проявилось его тяготение к жанру «законченного фрагмента-записи» [там же], формирование которого происходило на рубеже XIX–XX вв. Наиболее ярким образцом этого жанра становятся книги В. В. Розанова «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (1913).

Впрочем, и сам город на этот раз не показался писателю слишком скучным. Позабавили местные газеты, перепутавшие его с Горьким. Чехов послал «буревестнику» заметку из местных ведомостей о том, как на днях в Перми был замечен Горький, в сапогах, с тросточкой и в пенсне⁸. Тон и настроение пермских писем приподнятые.

А вот дальше – в дороге вверх по Каме до Усолья и на поезде до Вильвы – настроение Чехова меняется. На пароходике было не слишком комфортно: «Милая моя, пишу тебе из Усолья. Ехал сюда долго, в душной, неудобной каютке, а теперь сижу и жду поезда, который пойдет через 4–5 часов. Очень уж жарко. Сегодня в 3 часа буду в Вильве, в имении Морозова, и там высплюсь» (О. Л. Книппер-Чеховой. 22 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 252]. Появляется ощущение края света: «Милая Маша, я в Усолье. Если на карте проведешь пальцем по Каме вверх от Перми, то найдешь это Усолье» (М. П. Чеховой. 23 июня 1902 г.) [там же: 254].

Усолье, скорее всего, возникло на маршруте путешествия не случайно. По воспоминаниям вильвенского старожила Петра Метелева, бывшего родом из Усолья, Чехов расспрашивал его о дороге на Строгановские солеварни, о быте и заработке солеваров. Из рассказа Метелева становится понятно, что Чехов знал об Усолье благодаря запискам Мельникова-Печерского [Метелев 1960: 3]. Познакомиться со знаменитой соляной столицей Урала Чехову не довелось: для поездки в Усолье из Всеволодо-Вильвы понадобилось бы слишком много времени⁹.

Во Всеволодо-Вильве Чехов поселился в доме управляющего имением К. И. Медведева¹⁰. Дом находился неподалеку от завода. На следующий день после приезда писатель побывал в заводских цехах и лечебнице, общался с рабочими, после чего разговаривал с Морозовым и просил о сокращении рабочего дня. Савва Морозов пообещал ему это и выполнил обещание, сократив рабочий день с 12 до 8 часов [Шарц 1960: 55]. Чехов знакомился с вильвенцами, расспрашивал

их о жизни в поселке; с увлечением рыбачил; много гулял. По воспоминаниям К. Ожгибесовой, во время одной из таких прогулок Чехов нашел родник и попросил устроить там чаепитие, как это было принято у жителей поселка [Михайлюк 2007: 246]. До конца остается неясным, приняли ли участие Чехов в торжественном открытии школы, как это планировалось перед поездкой. По одному из воспоминаний, школу в спешном порядке достраивали после отъезда писателя [Строкин 1972: 2].

Писем из дома управляющего Чехов не писал: просто не успел. Свои впечатления он лишь коротко набросал Немировичу-Данченко в письме от 25 июня – уже с обратной дороги: «Здравствуй, милый Владимир Иванович! Пишу тебе сие черт знает откуда, из северной части Пермской губернии... Жизнь здесь около Перми серая, неинтересная, и если изобразить ее в пьесе, то слишком тяжелая. Ну, да об этом при свидании» (В. И. Немировичу-Данченко. 25 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 255].

Так замкнулся круг уральских впечатлений Чехова: он снова повторяет слова самых первых писем. Образ летней Камы уходит на второй план. Столкнувшись с тяжелой жизнью уральской глубинки, Чехов возвращается к социальной критике. Последнее чеховское письмо с Урала звучит как тяжелый приговор местной жизни, вобравшей в себя худшие черты российской провинции.

И все же решение Чехова отправиться в 1902 г. на Урал по-новому открывает его отношение к уральскому пространству. Он был смертельно болен. В Москве оставалась еще не оправившаяся от болезни жена, беспокойство о которой не покидало писателя ни на день. Однако Чехов решается на далекую и трудную поездку. Прагматика уступает зову пространства, который чувствовал писатель¹¹. Г. А. Шалюгин, составив список чеховских путешествий [Шалюгин], выяснил, что они были почти ежегодными. При этом в обширной чеховской географии северный вектор всегда имел особое значение. Достаточно вспомнить, как рвался Чехов из Ялты в Москву, называя ялтинский дом «тюрьмой» [Книппер-Чехова 1960: 685]. В последние годы жизни, по воспоминаниям Книппер-Чеховой, писатель мечтал о поездке «по северным рекам, в Соловки, в Швецию, в Норвегию» [там же]. Поездка на Урал в этом смысле была вовсе не случайной. Кама и Вильва сыграли роль тех северных рек, о которых мечтал писатель. Очевидно, уральское пространство в восприятии Чехова, прежде всего, ассоциировалось со «здоровым, хорошим, славянским климатом», «лесом» и «рекой», которые

стали в пьесе «Три сестры» воплощением подлинных, но непризнанных ценностей.

Короткие эпистолярные заметки Чехова знаменовали новый этап в становлении литературного образа Урала, придав ему форму частного высказывания, не претендующего на «серьезность», но передающего опыт не скованного литературными канонами переживания. Отталкиваясь от сложившихся в описаниях Урала клише, Чехов произвел своего рода демифологизацию уральского пространства. Кроме того, подобный опыт непосредственного переживания аккумуляировал большую творческую энергию: пережитое в пути состояние, усиленное эмоциональной выразительностью эпистолярного слова, не раз отозвалось в художественном творчестве Чехова, навсегда связав уральский ландшафт с образами программных произведений писателя.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.».

² Щербаненки и Чугуевцы – знакомые Чеховых по Луке Харьковской губернии.

³ Александр Михайлович Симонов – сын двоюродной сестры Е. Я. Чеховой, редактор «Екатеринбургской недели».

⁴ Первый по-настоящему общеизвестный образ Урала сформировался благодаря журнальным и газетным публикациям Немировича-Данченко и Мамина-Сибиряка, появившимся почти одновременно – в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Публикация уральских очерков Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1875 г., продолжалась с 1877 по 1884 г. в журналах «Дело», «Русская речь», «Исторический вестник». Затем, уже в 1890 г., вышла книга «Кама и Урал», собравшая эти публикации под одной обложкой (Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. 750, IV с.). Учитывая тщательность подготовки Чехова к поездке, можно предположить, что он прочитал очерки Немировича. Публикация первых уральских материалов Мамина приходится на самое начало 1880-х гг. В «Устоях», «Деле», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Отечественных Записках» появляются его уральские рассказы и очерки: «На рубеже Азии», «В камнях», «Золотуха», «Бойцы», «Переводчица на приисках», «Дикое счастье», «На Шихане» и мн. др. В 1888–89 гг. – накануне поездки Чехова на Сахалин – один за другим выходят двух-

томник и трехтомник «Уральских рассказов» Мамина, включившие большую часть этих публикаций. Нельзя не сказать также о цикле путевых очерков Мамина «От Урала до Москвы», опубликованных в «Русских ведомостях» в 1881–1882 гг.

⁵ Боромля и Мерчик – небольшие станции Харьковско-Николаевской ж. д.

⁶ Пьеса «Три сестры» была написана в 1900 г., впервые представлена публике в МХТ 31 января 1901 г.

⁷ В 1890 г. Савва Тимофеевич Морозов приобрел стоявший в запустении Всеволодо-Вильвенский железодобывательный завод. Здесь им было налажено химическое производство. Позднее в окрестностях Всеволодо-Вильвы Морозовым был устроен еще один завод – на речке Иваке. Поселок при Савве Морозове ожил (Корчагин П. А. Созидатель. Савва Морозов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 108–151).

⁸ «Пермские губернские ведомости» за 26 июня 1902 г. поместили заметку под названием «М. Горький в Перми»: «... Носится слух, что третьего дня популярнейший писатель Максим Горький на пароходе “Борец” отправился из Перми на Курьинские дачи. Он – в белой рубашке, высоких сапогах и пенсне. Кто-то из публики стоявшего рядом с “Борцом” парохода “Лебедь” узнал писателя. “Борец” в тот момент уже отчалил. Весть о том, что на палубе сам Горький, моментально облетела всю публику “Лебедя”, которая повскакала со своих мест и жадно впиалась в удаляющегося “Борца”» (М. Горький в Перми // ПГВ. 1902. 26 июля (№ 136). С. 3. (Хроника)).

⁹ Чехов собирался провести в Вильве 3 дня: «Сегодня же через 4–5 часов еду по железной дороге до станции Всеволодо-Вильва, где проживу дня три у Саввы Морозова», – писал он сестре в письме от 23 июня. Действительно, в гостях у Морозова Чехов провел неполных три дня: 23 июня, 24 июня, и день 25-го. В ночь на 26 июня Чехов уехал железной дорогой в Пермь.

¹⁰ Главными свидетельствами пребывания Чехова во Всеволодо-Вильве являются литературные воспоминания студента горного института А. Н. Тихонова-Сереброва, проводившего у Саввы Морозова в 1902 г. разведку каменного угля, а также записи рассказов вильвенских старожилов: горничной К. Ожгибесовой, писаря П. Метелева, управляющего К. И. Медведева, рассыльного Я. Мелехина, – сделанные пермскими краеведами.

¹¹ О художественной метафизике пространства в литературном произведении см.: Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сиб. филол. журн. 2010. № 2. С. 81–90.

Список литературы

Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геоэпике Бориса Пастернака // Вопросы лит. 2008. № 4. С. 125–144.

Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сиб. филол. журн. 2010. № 2. С. 81–90.

Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках В. И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 67–78.

Бердичевская А. Город трех сестер // Вечерняя Пермь (газ.). 1971. 3 дек. С. 3.

Власов И. Дом с мезонином // Молодая гвардия. 1971. 18 июля. С. 2.

Гитович И. Г. Писательская переписка как повествовательный жанр: некоторые аспекты эпистолярия Чехова // А. П. Чехов: пространство природы и культуры: сб. материалов Междунар. науч. конф. Таганрог, 11–14 сентября 2013 г. Таганрог: Лукоморье, 2013. С. 15–24.

Гладышев В. Ф. Чехов и Пермь: Легенда о трёх сестрах. Пермь: Книжный мир, 2008. 176 с.

Гуминский В. М. Проблемы генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Лит. институт им. А. М. Горького, 1979. 184 с.

Дворянова О. Три сестры из Перми // Личный интерес. 2000. № 4. С. 2–3.

Книппер-Чехова О. Л. О А. П. Чехове // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1960. С. 680–702.

Корчагин П. А. Созидатель. Савва Морозов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 108–151.

Красноперов Д. А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь: Перм. обл. универс. б-ка им. А. М. Горького, 2001. Вып. 3. С. 144–146.

Кубасов А. Я. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Макарова Е. А. «Я сам себя командую...» (Сибирь и сибирские переселенцы в рецепции А. П. Чехова) // Айзикова И. А., Макарова Е. А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра

и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 91–109.

Метелев П. Как я фотографировал писателя // Березниковский рабочий. 1960. 29 января. С. 3.

Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 1999. 199 с.

Михайлюк В. М. Пермская шкатулка: Пермь и Пермский край в судьбе России. Пермь: Пермские новости, 2007. 320 с.

Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. 750 с., IV с.

Ожгибесова К. Большой души человек // Березниковский рабочий. 1960. 29 янв. С. 3.

Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 295–349.

Семенов В. Л. Пермские страницы биографии и творчества А. П. Чехова. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2005. 135, [1] с.

Серебров (Тихонов) А. О Чехове // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: Книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 170–180.

Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 15–26.

Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Проблемы современной филологии: сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 450–456.

Строкин А. А. П. Чехов во Всеволодо-Вильве (Из истории) // Уральский кочегар. 1972. 27 мая. С. 2.

Телешов Н. Д. А. П. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1960. С. 473–492.

Чайкин А. И. Неожиданный спутник: Из воспоминаний старого пермяка // Календарь-справочник Пермской области за 1970 г. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1969. С. 55–56.

Чехов А. П. Письмо А. М. Пешкову, 16 октября 1900 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1980. Т. 9. Письма, 1900 – март 1901. С. 133.

Чехов А. П. Письмо А. С. Суворину, 18 апреля 1890 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.:

Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 63–64.

Чехов А. П. Письмо А. С. Суворину, 28 февраля 1890 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 26–27.

Чехов А. П. Письмо А. Ф. Кони, 12 июня 1901 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 43–44.

Чехов А. П. Письмо В. И. Немировичу-Данченко, 25 июня 1902 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 255.

Чехов А. П. Письмо М. П. Чеховой, 23 июня 1902 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 254.

Чехов А. П. Письмо Н. Н. Оболенскому, 30 апреля 1890 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 70.

Чехов А. П. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой, 19 июня 1902 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 251.

Чехов А. П. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой, 22 июня 1902 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 252–253.

Чехов А. П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. // *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 70–73.

Чехов А. П. Случай из практики // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1977. Т. 10. Рассказы, повести, 1898–1903. С. 75–85.

Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1978. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. С. 117–188.

Шалюгин Г. Чехов-путешественник // Про-за. ру. URL: <https://www.proza.ru/2009/11/12/304> (дата обращения: 04.02.2016).

Шарц А. Чехов на Урале // Прикамье. Альма-нах Перм. отд. Союза писателей. Пермь, 1960. № 28. С. 50–55.

References

Abashev V. V. Ural kak predchuvstviye. Zametki o geopoetike Borisa Pasternaka [The Urals as a premonition. Notes on the geopoetics of Boris Pasternak]. Voprosy literatury [The issues of literature]. 2008. Iss. 4. P. 125–144.

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poezija prostranstva v proze Alexeja Ivanova [Poetry of Space in prose of Alexey Ivanov] Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2010. Iss. 2. P. 81–90.

Abashev V. V. «Dikaja krasota i sumrachnoje velichije...». Panorama Urala v putevykh ocherkakh V. I. Nemirovicha-Danchenko [«Wild beauty and gloomy greatness...». Panorama of the Urals in travel essays of V. I. Nemirovich-Danchenko]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2015. Iss. 4 (32). P. 67–78.

Berdichevskaja A. Gorod trjokh sestjor [The town of three sisters] Vechernyaja Perm' [The Evening Perm]. 1971. 3 Dec. P. 3.

Chajkin A. I. Neozhidannyj sputnik: Iz vospominanij starogo permyaka [An unexpected companion: From the memories of the old Perm citizen] Kalendar'-spravochnik Permskoj oblasti za 1970 g. [Calendar-Directory of the Perm region for 1970]. Perm: Permskoje knizhnoje izd-vo Publ., 1969. P. 55–56.

Chekhov A. P. Pis'mo A. M. Peshkovu, 16 oktjabrja 1900 g. [A letter to A.M. Peshkov, 16 October 1900] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 9. Letters, 1900 – March 1901. P. 133.

Chekhov A. P. Pis'mo A. S. Suvorinu, 18 aprilja 1890 g. [A letter to A.S. Suvorin, 18 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature.

Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 63–64.

Chekhov A. P. Pis'mo A. S. Suvorinu, 28 fevralja 1890 g. [A letter to A.S. Suvorin, 28 February 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 26–27.

Chekhov A. P. Pis'mo A. F. Koni, 12 ijunja 1901 g. [A letter to A.F. Koni, 12 June 1901] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 43–44.

Chekhov A. P. Pis'mo V. I. Nemirovichu-Danchenko, 25 ijunja 1902 g. [A letter to V.I. Nemirovich-Danchenko, 25 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 255.

Chekhov A. P. Pis'mo M. P. Chekhovoj, 23 ijunja 1902 g. [A letter to M.P. Chekhova, 23 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 254.

Chekhov A. P. Pis'mo N. N. Obolenskomu, 30 aprilja 1890 g. [A letter to N.N. Obolensky, 30 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 70.

Chekhov A. P. Pis'mo O. L. Knipper-Chekhovoj, 19 ijunja 1902 g. [A letter to O.L. Knipper-Chekhova, 19 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 251.

Chekhov A. P. Pis'mo Chekhovym, 29 aprilja 1890 g. [A letter to the Chekhovs, 29 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in

30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 70-73.

Chekhov A.P. Sluchaj iz praktiki [Practice case] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1977. Vol. 10. Tales, stories, 1898-1903. P. 75-85.

Dvorjanova O. Tri sestry iz Permi [Three sisters from Perm] Lichnyj interes [The personal interest]. 2000. Iss. 4. P. 2–3

Gitovich I. G. Pisatel'skaja perepiska kak povestvovatel'nyj zhanr: nekotoryje aspekty epistoljarija Chekhova [The writer's correspondence as a narrative genre: some aspects of Chekhov's epistolary]. A. P. Chekhov: prostranstvo prirody i kul'tury. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Taganrog, 11–14 sentjabrja 2013 g. [A. P. Chekhov: the space of nature and culture. Proc. International Scientific Conference. Taganrog, 11–14 September 2013]. Taganrog: Lukomorje Publ., 2013. P.15–24.

Gladyshev V. F. Chekhov i Perm': Legenda o trjokh sjostrakh [Chekhov and Perm: Legend of the three sisters]. Perm: Knizhnyj mir Publ., 2008. P. 176.

Guminskij V. M. Problemy genezisa i razvitiya zhanra puteshestvij v russkoj literature. Diss. kand. fil. nauk [Problems of the genesis and development of the travel genre in Russian literature. Cand. philol. sci. diss.]. M.: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 1979. 184 p.

Makarova E. A. «Ja sam sebja komandiruju...» (Sibir' i sibirskie pereselentsy v retseptsii A. P. Chekhova) ["I send myself on a mission ... " (Siberia and Siberian settlers in the reception of Anton Chekhov)] Ajzikova I. A., Makarova E. A. Tema pereselenija v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossiji 1860–1890-kh gg.: problema dialoga [The topic of resettlement to Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860–1890s: the problem of a dialogue]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2009. P. 91–109.

Vlasov I. Dom s mezoninom [The house with the mezzanine]. Molodaja Gvardija [The young guards]. 1971. 18 July. P. 2.

Knipper-Chekhova O. L. O A. P. Chekhove [About Anton Chekhov] Chekhov v vospominanjakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1986. P. 612–632.

Korchagin P. A. Sozidatel'. Savva Morozov vo Vsevolodo-Vil've [Creator. Savva Morozov in

Vsevolodo – Vilva] Vsevolodo-Vil'va na perekrjostke russkoj kul'tury: Kniga ocherkov [Vsevolodo-Vilva at the crossroads of Russian culture: a book of essays]. St. Petersburg: «Mamatov» Publ., 2008. P. 108–151.

Krasnoperov D. A. Pravda i vymysel nekotorykh permskikh mifov [Truth and fiction of some Perm myths] Stranitsy proshlogo: izbrannyje materialy kraeved. Smyshlyaevskikh chtenij v Permi [Pages of the past: Selected materials of ethnographical Smyshlyaev readings in Perm]. Perm: Perm Regional Universal Library named after A. M. Gorky Publ., 2001. Iss. 3. P. 144–146.

Kubasov A. Ja. Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsiji: Monografija [Anton Chekhov's prose: the art of stylization: Monograph]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 1998. 399 p.

Metlev P. Kak ja fotografiroval pisatelja [How I photographed the writer]. Bereznikovskij rabochij [Berezniki worker]. 1960. 29 Jan. P. 3.

Mikhajlov V. A. Evoljutsija zhanra literaturnogo puteshestvija v proizvedenijakh pisatelej XVIII–XIX vekov: Diss. kand. filol. nauk [The evolution of the genre of literary travel in works of writers in XVIII–XIX: Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd: VSPU Publ., 1999. P. 199.

Mikhajljuk V. M. Permskaja shkatulka: Perm' i Permskij kraj v sud'be Rossiji [Perm Casket: Perm and the Perm region in Russia's destiny]. Perm: Permskije novosti Publ., 2007. P. 320.

Nemirovich-Danchenko V. I. Kama i Ural [Kama and the Urals]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Publ., 1890. 750 p., IV p.

Ozhgibesova K. Bol'shoj dushi chelovek [The big-hearted man] Bereznikovskij rabochij [Berezniki Worker]. 1960. 29 Jan. P.3.

Potapenko I. N. Neskol'ko let s A. P. Chekhovym (K 10-letiju so dnja ego konchiny) [A few years with Anton Chekhov (to the 10th anniversary of his death)] Chekhov v vospominanjakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1986. P. 295–349.

Semenov V. L. Permskije stranitsy biografii i tvorchestva A. P. Chekhova [Perm pages of the biography and work of Anton Chekhov]. Perm: PSPU Publ., 2005. P. 135, [1].

Serebrov (Tikhonov) A. O Chekhove [About Chekhov] Vsevolodo-Vil'va na perekrjostke russkoj kul'tury: Kniga ocherkov [Vsevolodo-Vilva at the crossroads of Russian culture: a book of essays]. St. Petersburg: «Mamatov» Publ., 2008. P. 170–180.

Shaljugin G. Chekhov-puteshestvennik [Chekhov-traveler]. Available at: <https://www.proza.ru/2009/11/12/304> (accessed 04.02.216).

Sharts A. Chekhov na Urale [Chekhov in the Urals] Prikam'je. Al'manakh Perm. otd. Sojuza pisatelej [Prikamje. The Almanac of the Perm branch of the Writers' Union]. Iss. 28. Perm, 1960. P. 50–55.

Sozina E. K. Provintsija v tvorcestve D. N. Mamina-Sibirjaka i A. P. Chekhova: topologija sud'by [Province in works of D. N. Mamin-Sibirjak and Anton Chekhov: topology of fate] Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyje nauki [The Ural State University News. Series 2. Humanities]. 2010. Iss. 4 (82). P. 15–26.

Stepanov N. L. Pis'ma Pushkina kak literaturnyj zhanr [Letters of Pushkin as a literature genre] Prob-

lemy sovremennoj filologii: Sbornik statej k semi-desjatiletiju akademika V. V. Vinogradova [Problems of modern philology: Collection of papers to the seventieth anniversary of the academician V. V. Vinogradov. M.: Nauka Publ., 1965. P. 450–456.

Strokin A. A. P. Chekhov vo Vsevolodo-Vil've (Iz istorii) [Anton Chekhov in Vsevolodo-Vilva (from history)] Ural'skij kochezar [The Urals stoker]. 1972. 27 May. P. 2.

Teleshov N. D. A. P. Chekhov [Anton Chekhov]. Chekhov v vospominanijakh sovremnikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1960. P. 473–492.

THE IMAGE OF THE URALS IN TRAVEL LETTERS OF ANTON CHEKHOV: IMPRESSIONS AND CREATIVE PROJECTIONS

Elena G. Vlasova

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

This article is devoted to the dynamics of the Urals themes in works by Chekhov. The main evidence of the writer's Urals experience is letters which he wrote during his three trips along the Urals (in 1890, 1901 and 1902). The first and most detailed cycle of the Urals letters is connected with Chekhov's trip to Sakhalin. Describing Urals space in this cycle of letters, Chekhov often applies a device of the ironic use of literary formulas, established in the previous descriptions of the Urals. In subsequent cycles of the Urals letters the problem of exact description of external impressions comes to the fore. The image of the Urals recreated in Chekhov's letters is curious and significant as a result of direct emotional experience of the travel space. It does not claim to have completeness of description or conceptuality of assessment, though, while fixing some particular features of the seen, the letters give them the quality of expressive details, snatched from the flow of impressions as the most important emotional and cognitive experience. This experience has accumulated the writer's great creative energy: the state of mind he had on the road, reinforced by emotional expressiveness of epistolary words, repeatedly echoes in his literary work. In particular, Chekhov's letters clarify the circumstances of the Perm origin of the three sisters' town, as well as the Urals allusions to the factory image in "Practice Case". Generally, Chekhov's Urals letters are a vivid example of such a variety of travel literature as an epistolary travelogue.

Key words: Anton Chekhov; epistolary travelogue; demythologization of space; image of the Urals; image of the people of the Urals; border between Europe and Asia.